

ОВСЕП КОЧАРЯН

Аспирант Кафедры Международного публичного права
и Европейского права Палацкого Университета (Чешская Республика)

ПРАВО НА ВЫБОР СМЕРТИ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ ЕСПЧ

Эвтаназия и ассистированное самоубийство – проблемы, мировоззренческая оценка которых лежит в биоэтической плоскости¹. Сегодня все большее число исследователей высказываются за эвтаназию, указывая, что безболезненная смерть должна быть правом, которое может быть предоставлено неизлечимо больному человеку лишь после того, как он сам и его врачи придут к выводу, что это является лучшим выходом из безнадежного положения. О проблеме эвтаназии долгое время исследования не проводились. О ее допустимости и этичности дискуссии оживились в связи с принятием в некоторых странах специальных нормативных актов, которые легализовали эвтаназию и установили условия ее реализации, чему, в свою очередь, способствовало развитие биотехнологических методов, которые дали широкую возможность «отсрочки» и «взятия под контроль» смерти. Последняя начала рассматриваться как «доказательство уникальности» человека. «Контроль над смертью, как и контроль над рождаемостью - основы человеческого достоинства»². В Европе отношение к эвтаназии неоднозначно. Ряд государств ее узаконили, а Парламентская ассамблея Совета Европы несколько принимала осуждающие резолюции.

Вопросы о существовании так называемого «права на смерть», «права на самоубийство» или «права на помощь в совершении самоубийства» были рассмотрены в контексте статьи 2 и статьи 8 ЕКПЧ. В общей сложности, ЕСПЧ для формирования соматических прав берет перспективу поступательного изменения конвенционных запретов на разрешение, а затем на обязательство. В отношении эвтаназии и ассистированного самоубийства эту тенденцию

можно выявить через анализ нескольких знаковых решений. Еще в 2002 году дело *Pretty v. the United Kingdom*, в котором речь шла о праве выбора ухода из жизни, стало темой для обсуждения. Заявительница, у которой была диагностирована неизлечимая болезнь и которая была парализована, захотела иметь возможность контролировать, как и когда она умрет, надеясь тем самым избавиться себя от тяжелых страданий. Хотя по английскому законодательству самоубийство не является преступлением, но сама она не могла бы ее совершить. Муж был готов ей помочь, но в соответствии с английским законодательством пособничество к самоубийству является преступлением, а просьба об иммунитете от судебного преследования мужа было отказано. После того как Палата лордов также отклонила ее апелляцию, она подала заявление в ЕСПЧ. Претти утверждала, что отказ в предоставлении иммунитета от судебного преследования ее мужу и содержащийся во внутреннем законодательстве запрет на оказание помощи в совершении самоубийства нарушают ее права по статьям 2, 3, 8, 9 и 14 Европейской Конвенции. Претти утверждала, что статья 2 Европейской Конвенции защищает не только право на жизнь, но и право выбирать, продолжать или не продолжать жить. Суд не был убежден в том, что право на жизнь может толковаться как затрагивающее такой негативный аспект. Она указала, что статья 2 Европейской Конвенции, гарантирующая каждому человеку право на жизнь, «не может без языковых искажений быть истолкована как предоставление диаметрально противоположного права, а именно, права на смерть»³. Соответственно, Суд пришел к выводу, что из статьи 2 Европейской Кон-

1. **Варданян Л. Г.**, Эвтаназия как правовая категория // Научный вестник “Орианакутюн” N. 93 2016, С. 31.
2. Цит. по работе: **Зильбер А. П.** Трактат об эвтаназии. – Петрозаводск: Петр. ГУ. 1998. С.350.

венции не может вытекать никакого права на смерть «от рук третьего лица или при содействии государственного органа»⁴. Суд не исключил, что вопросы, касающиеся качества жизни или того, что человек предпочитает делать со своей жизнью, могут быть признаны настолько основополагающими для условий жизни человека, что они требуют защиты от вмешательства государства. Однако Суд не счел статью 2 Европейской Конвенции надлежащим положением для защиты этих вопросов и сослался на статью 8⁵. М. Сандерсон критикует такое решение Суда, поскольку он считает, что условие, сопоставимое с условием мадам Претти – условие, которое, по его мнению, может быть даже названо «смертью в течение жизни», порождает обязательство со стороны государства уважать право человека определять степень своего существования, «с тем, чтобы физическое продолжение жизни не могло нарушать природу или ценность жизни, которую призвана защищать Статья 2»⁶.

Претти также заявила, что страдания, с которыми она столкнулась, квалифицируются как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в соответствии со статьей 3 Конвенции, отметив, что позитивное обязательство со стороны государства требует, чтобы действия государства, направленные на прекращение жизни, были санкционированы государством. Суд постановил, что такое обязательство не может вытекать из статьи 3 ЕКПЧ, и, соответственно, не нашел нарушения этого положения⁷.

Претти утверждала, что для вмешательства в право на самоубийство должны быть особенно веские причины именно потому, что оно затрагивает самый интимный аспект ее личной жизни. Суд не признал ассистированное самоубийство как относящиеся к самому интимному аспекту частной жизни. Суд также постановил, что он признает преимущественную силу статьи 2 в качестве одного из основополагающих по-

ложений Конвенции, отметив, что не может создать права на самоопределение в том смысле, что такое право дает индивиду право выбирать смерть, а не жизнь. Исходя из этого, Суд пришел к заключению, что законодательный запрет на оказание содействия в самоубийстве не нарушает статью 2 Европейской Конвенции.

Уже в деле *Haas v. Switzerland* (2011) Суд дал свое разрешение на самоубийство: решение о прекращении собственной жизни становится правом, гарантируемым статьей 8 — «право человека решать, как и когда должна завершиться его жизнь»⁸. Суд постановил, что если в соответствии с правом на частную жизнь может существовать своего рода индивидуальное право на самоубийство, то в соответствии с Конвенцией не существует никакого права на «вспомогательное самоубийство». Право на частную и семейную жизнь (статья 8), гарантируемое Конвенцией, не включает в себя право на помощь в совершении самоубийства как таковое. Она налагала бы на государства противоречивые обязательства (защищать жизнь по закону и отнимать жизнь по закону в одно и то же время) и приводила бы к несогласованности между правами, гарантируемыми Конвенцией, поскольку она должна рассматриваться в целом. Суд избрал прагматический процессуальный подход, согласно которой каждое государство, легализующее самоубийство, должно обосновать свои ограничения на осуществление права на самоубийство. Суд не признал права на смерть, опираясь на «отсутствие европейского консенсуса», но выдвинул гипотезу о том, что государства могли бы иметь «позитивное обязательство принимать меры для содействия совершению самоубийства с достоинством»⁹.

Тем не менее, по замечанию Г. Пуппинка «при определенных обстоятельствах конвенция может допускать самоубийство при содействии в соответствии с понятием личной автономии, включенным в право на частную жизнь, когда

3. ECtHR judgment of 29 April 2002, *Pretty v. United Kingdom*, appl. no. 2346/02. Para. 39.

4. ECtHR judgment of 29 April 2002, *Pretty v. United Kingdom*, appl. no. 2346/02. Para 40.

5. ECtHR judgment of 29 April 2002, *Pretty v. United Kingdom*, appl. no. 2346/02. Para 39.

6. Sanderson M. A (2002). 'European Court of Human Rights judgment on assisted suicide - *Pretty v. United Kingdom*. App. No. 2346/02. European Court of Human Rights, April 29, 2002'//*The American Journal of International Law*, 2002, p. 948.

7. ECtHR judgment of 29 April 2002, *Pretty v. United Kingdom*, appl. no. 2346/02. Para. 51.

8. ECtHR judgment of 20 January 2011, *Haas v. Switzerland*, appl. no. 31322/07. Para 55.

9. ECtHR judgment of 20 January 2011, *Haas v. Switzerland*, appl. no. 31322/07. Para 61.

государство декриминализует его при определенных обстоятельствах и при определенных условиях»¹⁰.

Дело *Koch v. Germany* было возбуждено всего через несколько месяцев после того, как Суд вынес решение по вопросу об оказании помощи в самоубийстве в деле *Haas v. Switzerland*. Кох, парализованная больная, и ее муж, - столкнулись с отказом врачей на получение смертельного препарата. Они подали иск по поводу такого отказа, но не дождавшись никакого решения в Германии, отправились в Швецию, где и произошло ассистированное самоубийство при «содействии» швейцарской компании Dignitas. Муж мадам Кох обратился в ЕСПЧ, утверждая, что отказ его жене нарушил их право на уважение частной и семейной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. ЕСПЧ принял жалобу к рассмотрению¹¹. В решении по делу Суд тщательно ограничил свою оценку позитивных обязательств по статье 8 Европейской Конвенции в процедурном аспекте, обратившись с просьбой о том, чтобы юрисдикция судила в каждом конкретном случае на основе обоснованности индивидуальных просьб об оказании помощи в самоубийстве. Основывать право на помощь в самоубийстве на индивидуальной свободе означает непоследовательно резервировать доступ к помощи в самоубийстве только для прикованных к постели лиц, свобода которых сильно затронута их государством. Согласно этому подходу, осуществление «права на помощь в самоубийстве» должно быть зарезервировано за лицами, физические и умственные способности которых не затронуты. При таком подходе ответственность государства будет заключаться не в предотвращении самоубийств и защите жизни людей, а исключительно в обеспечении воли к смерти, защите свободы воли и предотвращении злоупотреблений состоянием слабости. Принимая такую аргументацию, Суд меняет основу Конвенции и челове-

ческое достоинство становится категорией относительной, поглощенной личной свободой.

К. Де ла Хоуг и Г. Пуппинк указывают, что «прецедентное право Суда явно ведет к принятию права на ассистированное самоубийство»¹². Это «право» ими установлено из последовательности судебных решений, где «Суд постепенно уточнил контуры права на помощь в самоубийстве»¹³. В деле *Gross v. Switzerland*, по мнению Суда, такое право вытекает из того факта, что «в эпоху растущей медицинской изощренности в сочетании с более длительной продолжительностью жизни многие люди обеспокоены тем, что их не следует заставлять задерживаться в старости или в состоянии развитой физической или психической дряхлости, которая противоречит прочно укоренившимся идеям о себе и личной идентичности»¹⁴. Особенность этого дела состоит в том, что заявительница не была смертельно больна, но и не хотела умереть из-за старости. Швейцарские власти, ссылаясь на дела *Pretty v. the United Kingdom* и *Haas v. Switzerland*, указывали, что государство вправе самостоятельно оценивать риски, которыми грозит законодательное закрепление ассистированного самоубийства. Власти также отмечали, что обязаны охранять человеческую жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, которая явно вступала в противоречие со статьей 8. ЕСПЧ отметил, что само желание человека умереть в определенную дату и определенным способом подпадает под понятие «частная жизнь» и защищается статьей 8 Конвенции, которая требует от властей не только воздерживаться от посягательств на частную жизнь, но и принимать законодательные меры по ее защите. Применительно к данному делу это означает, что ЕСПЧ должен решить: достаточно ли четко сформулировано швейцарское законодательство, регулирующее выписывание пациентам смертельного препарата?

Швейцарский закон, который предусма-

10. Puppink, G., Popescu, A. (2011) Koch v. Germany: the ECHR called again to decide on assisted suicide. Strasbourg, September 1st 2011.// URL: <https://eclj.org/koch-v-germany-the-echr-called-again-to-decide-on-assisted-suicide>.

11. ECtHR judgement of 19.07.2012, Koch v. Germany app. no. 497/09.

12. Puppink, G.&. de La Hougue, C. (2014) The right to assisted suicide in the case law of the European Court of Human Rights, The International Journal of Human Rights, 18:7-8, 735-755, DOI: 10.1080/13642987.2014.926891. P.6:

13. Ibid.

14. ECtHR judgment of 14 May 2013, Gross v. Switzerland. App. no. 67810/10. Para 58.

тривал возможность эвтаназии, не регламентировал ассистированное самоубийство, поэтому, по мнению Суда, власти не выполнили своих обязательств, предусмотренных статьей 8. Вопрос о том, должно ли ассистированное самоубийство признаваться в современном государстве, Суд решил не рассматривать. Но «мораль» этого дела все же такова: если власти решают узаконить эвтаназию или ассистированное самоубийство, они должны детально предусмотреть механизм ее применения, не оставляя правовых пробелов.

Знаковым было и решение по делу *Lambert v. France* (2015)¹⁵. На этот раз темой обсуждения стала терапевтическая абсистенция (therapeutic abstention), предусмотренная во французском законодательстве, по прекращению поддерживающей терапии больного, находящегося в бессознательном состоянии. Суд счел статью 8 «поглощенной» статьей 2, а статью 3 с самого начала счел неприемлемой¹⁶. Анализ потенциального нарушения статьи 2, в случае разрешения на прекращение поддерживающей терапии, был сведен Судом к анализу так называемых позитивных обязательств государства, то есть его обязанности охранять всеми доступными средствами право на жизнь лиц, находящихся под его юрисдикцией. Негативные же обязательства государства, то есть его обязанность воздерживаться от действий, способных поставить под угрозу жизнь человека, не рассматривалась, так как не было намерений лишить В. Ламбера жизни. При этом Суд оговаривается, что в данном деле «речь идет не об эвтаназии, а о прекращении лечения, которое искусственно поддерживает жизнь»¹⁷ - позиция, против которой решительно высказалось меньшинство, заявив, что «речь идет именно об эвтаназии, которая не хочет назвать своего имени»¹⁸. Суд указал, что по праву на жизнь, не подлежащему никаким ограничениям и отступлениям (статья 15 Конвенции), у государств есть «свобода усмотрения» в том,

что касается принятия решений о прекращении лечения¹⁹. Суд постановил, что исполнение решения Государственного Совета Франции от 24 июня 2014 года (о законности прекращения поддерживающей жизнь терапии в отношении Венсана Ламбера) не будет нарушением статьи 2 Конвенции. В этом деле он фактически оправдал «пассивную» эвтаназию. Статья 2 прозвучала и в деле *Gagin v. Roumanie*, (2009) о смерти заключенного в тюрьме, за которым Суд фактически признал посмертную правосубъектность, рассмотрев дело заявителя, зная о его смерти. В деле *Lambert and Others v. France* (2015) Суд также однозначно высказался за обоснованность права на усмотрение государств на эвтаназию, не находя в этих запретах нарушения статей 2 и 8.

Становление соматических прав повышает коллизионность как самого прецедентного права (в качестве примера: утверждение права на суицид и эвтаназию, основываясь на ст. 8, входят в коллизию со строгим запрещением убивать даже с согласия и с обязательством защищать жизнь (статья 2)), так и вероятность внутренних противоречий в самом Европейском праве прав человека, балансирующей между защитой коммуитарных и индивидуальных ценностей. Включение вопроса существования большинства соматических прав в область усмотрения государства из-за отсутствия консенсуса на общеевропейском уровне и наличие морального плюрализма поднимает также вопрос о гарантии этих прав Конвенцией.

В ст. 23 Закона РА о медицинском обслуживании указывается, что «эвтаназия – это ускорение смерти по просьбе больного какими-либо действиями и методами». Получается, что если бездействием добиться ускорения смерти, то это уже не эвтаназия. Такое определение также не указывает, каким именно больным должен быть просящий о смерти? Можно сделать вывод, что об эвтаназии может попросить любой больной, и ее осуществление будет влечь

15. ECtHR judgement of 5 June 2015, *Lambert and Others v. France*, appl. no. 46043/14.

16. ECtHR judgement of 5 June 2015, *Lambert and Others v. France*, appl. no. 46043/14. Para. 184.

17. ECtHR judgement of 5 June 2015, *Lambert and Others v. France*, appl. no. 46043/14. Para. 141.

18. I see ECtHR judgement of 5 June 2015, *Lambert and Others v. France*, appl. no. 46043/14. Para 141. See also Joint partly dissenting opinion of judges Hajiyev, Šikuta, Tsotsoria, De Gaetano and Grieco. Para. 9.

19. ECtHR judgement of 5 June 2015, *Lambert and Others v. France*, appl. no. 46043/14. Para 144.

ответственность именно за осуществление эвтаназии, а не за простое убийство. Определение эвтаназии как соответствующих действий дает основание полагать, что бездействие по просьбе больного – по сути пассивную эвтаназию – закон допускает. Но вот процессуальный порядок его совершения как раз таки отсутствует, как впрочем и вопрос об ассистированном самоубийстве, хотя Уголовный Кодекс РА не предусматривает такой запрет. Поэтому представляется необходимым во избежание состояний потенциальных нарушений статьи 8 ЕКПЧ уделить рассматриваемой области больше внимания, так как даже государства, применяющие либеральный подход, должны принимать надлежащие практические меры для предотвращения злоупотреблений (*Hass v. Switzerland*).

Считаем уместными сказать несколько слов о доктрине «свободы усмотрения» («margin of appreciation»). Это позитивный аспект эволюционизма в практике ЕСПЧ, что имеет особое значение для становления соматических прав. Обычно под «свободой усмотрения» имеют ввиду предоставление государствам неких рамок, в которых они могут действовать по своему выбору. Предпосылкой для ее возникновения выступает отсутствие консенсуса по какому-либо вопросу среди государств-участников, и по многим соматическим правам такой консенсус отсутствует. Причем «свобода усмотрения» не только позволяет «тормозить» там, где среди европейских стран сохраняется разногласие, но и оправдывает движение в направлениях, где относительный консенсус уже найден. Так, в деле *Dudgeon v. United Kingdom* (1981) нарушение прав заявителя криминализацией в Северной Ирландии «противоестественных половых связей» было констатировано постольку, поскольку в большинстве стран Совета Европы гомосексуализм больше не является преступлением, то есть достигнут консенсус, и нет свободы усмотрения²⁰. Справедливости ради отметим, что наличие консенсуса - вопрос

неочевидный, и в некоторых случаях выводы Суда представляются крайне спорными. Например, в деле *Marckx v. Belgium* (1978) ЕСПЧ посчитал, что среди европейских государств уже созрел консенсус по поводу уравнивания в правах так называемых «законных» и «незаконных» детей, сославшись на два международных договора, которые обуславливали движение государств в этом направлении²¹. Проблема в том, что эти договоры большая часть государств Совета Европы еще не ратифицировала. Суд, таким образом, основывался на абстрактных стандартах и принципах, которые соответствовали его собственному представлению о возможных тенденциях развития законодательства. Зачастую указывается, что дела *Tyrer v. the United Kingdom*²², *Marckx v. Belgium* и *Dudgeon v. the United Kingdom* олицетворяют стремление ЕСПЧ к приобретению большей самостоятельности. Но представляется, что точнее будет сказать, что такая политика Суда олицетворяет отрыв от практики государств с целью подталкивания своими пилотными постановлениями к консенсусу или к изменению существующего консенсуса. В деле *Hass v. Switzerland* Суд указал, что государства-члены единодушно выступают против практики самоубийств с помощью посторонних лиц, поскольку подавляющее большинство из них ее запрещает и придает большее значение защите жизни человека, чем волеизъявлению покончить с собой, тем самым указав на существующий консенсус²³. Однако в деле *Koch v. Germany*²⁴ Суд указал, что самоубийство является выражением индивидуальной автономии. Следовательно, основной причиной «права на самоубийство при содействии» будет не страдание или неизбежная смерть, а уважение свободы личности.

Таким образом, позиции, выраженные в решениях ЕСПЧ, отличаются чрезвычайной разбросанностью: от одобрения уголовной ответственности за содействие в самоубийстве

20. ECtHR judgment of 23 September 1981, *Dudgeon v. The United Kingdom*. App. No. 7525/76.

21. ECtHR judgment of 13 June 1979, *Marckx v. Belgium*. App. No. 6833/74.

22. ECtHR judgement of 25 April 1978, *Tyrer v. the United Kingdom*. App. No. 5856/72.

23. ECtHR judgment of 20 January 2011, *Haas v. Switzerland*, appl. no. 31322/07. Para 55.

24. ECtHR judgement of 19.07.2012 *Koch v. Germany*. App. no. 497/09.

(Pretty v. United Kingdom²⁵) до поддержки государства в узаконивании концепции «необоснованного упрямства» (Lambert and Others v. France²⁶). Но очевидно, что Суд делает шаг на встречу изменения существующего консенсуса для утверждения либеральной политики в отношении соматических прав, в частности права на выбор смерти.

25. ECtHR judgment of 29 April 2002, Pretty v. United Kingdom, appl. no. 2346/02.

26. ECtHR judgement of 5 June 2015, Lambert and Others v. France, appl. no. 46043/14.

ՀՈՎՍԵՓ ՔՈՉԱՐՅԱՆ

Պալացկու համալսարանի Միջազգային հանրային իրավունքի և Եվրոպական իրավունքի ամբիոնի ասպիրանտ (Չեխիայի Հանրապետություն)

ՄԱՀՎԱՆ ԸՆՏՐՈՒԹՅԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔԸ ՄԻԵԴ-Ի ՆԱԽԱԴԵՊԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ

Հոդվածում վերլուծվում է ՄԻԵԴ-ի նախադեպային պրակտիկան էվթանազիայի և օժանդակված ինքնասպանության հարցերի վերաբերյալ: Հեղինակը, կատարելով այնպիսի դատական նախադեպերի ուսումնասիրություն, ինչպիսիք են *Pretty v. United Kingdom, Lambert and Others v. France, Haas v. Switzerland* և այլն, հանգում է այն եզրակացությանը, որ ՄԻԵԴ-ը քայլեր է ձեռնարկում սոմատիկ իրավունքների՝ մասնավորապես մահվան ընտրության իրավունքի վերաբերյալ ազատական քաղաքականության հաստատման համար գոյություն ունեցող կոնսենսուսի փոփոխման ուղղությամբ:

Բանալի բառեր. էվթանազիա, օժանդակված ինքնասպանություն, մահվան ընտրության իրավունք, կյանքի իրավունք, մասնավոր կյանք:

ОВСЕП КОЧАРЯН

Аспирант Кафедры Международного публичного права и Европейского права Палацкого Университета (Чешская Республика)

ПРАВО НА ВЫБОР СМЕРТИ В ПРЕЦЕДЕНТНОМ ПРАВЕ ЕСПЧ

В статье анализируется прецедентная практика ЕСПЧ относительно вопросов эвтаназии и ассистированного самоубийства. Автор, проводя исследование таких судебных прецедентов, как *Pretty v. United Kingdom, Lambert and Others v. France, Haas v. Switzerland* и др., приходит к выводу, что ЕСПЧ делает шаги навстречу изменения существующего консенсуса для утверждения либеральной политики в отношении соматических прав, в частности права на выбор смерти.

Ключевые слова: эвтаназия, ассистированное самоубийство, право на выбор смерти, право на жизнь, частная жизнь.

HOVSEP KOCHARYAN

PhD student of the Department of Public International Law and European Law at the Palacký University (Czech Republic)

THE RIGHT TO CHOOSE DEATH IN THE CASE LAW OF THE ECtHR

The article analyzes the case law of the ECtHR on the issues of euthanasia and assisted suicide. The author, conducting a study of such judicial precedents as *Pretty v. United Kingdom, Lambert and Others v. France, Haas v. Switzerland, etc.*, comes to the conclusion that the ECtHR is taking steps towards changing the existing consensus to approve a liberal policy on somatic rights, in particular on the right to choose death.

Keywords: euthanasia, assisted suicide, right to choose death, right to life, private life.